

Великий разлом

ПРОЛОГ

После

Ночь. Распластав позади себя крылья и болтая в пустоте разодранными в кровь ногами, Ангел примостилась на горячем камне опаленного огнем утеса. Она напряженно вслушивается в странную новую тишину.

Безмолвие ее ошеломило. Разве не должен оглушать ее рокот рушащегося вокруг мира? Грохот рассыпающихся зданий? Безутешный вопль об утраченном? Но от того, что старый знакомый мир исчез беззвучно, бесшумно растворился, рассыпался в прах без остатка, ей еще страшнее.

Где громоподобные раскаты апокалипсиса? Где хаос разрушения?

Но хаос был. Это Ангел точно помнит. Только он был «до». И крики, и адское пекло, и языки пламени, и паника — все это было. Было. И ей никогда не забыть пережитого ужаса.

Ангел обхватила руками колени и, как в кокон, завернулась в свои белые крылья. Провела пальцем по шрамам и постаралась отодвинуть от себя воспоминания.

Грозные предупреждения о землетрясениях и цунами, усилия ученых — Ангел поморщилась, вспоминая скальпели, лампы дневного света и ослепительно белые простыни в операционных и лабораториях — все это было напрасно. Природа властно и жестоко потребовала Землю назад в свои владения.

Как бы ни старалась Макс исполнить свою великую миссию, как бы ни приготавливалась стая к грядущему, они все равно были захвачены врасплох.

Но кто, в самом деле, может подготовиться к светопредставлению?

«Ты, — шепнула сама себе Ангел. — Ты была готова».

Она прищурилась в темноту. Ее утес плотно обступила ночная темень. Но даже и днем горизонт являл собой странную, чужую, непонятную картину. Вместо ровной линии ей открывались рваные просветы в другие миры.

Она вспомнила, как падала и умерла Макс, вспомнила, как перед ней самой простерлось тогда бесконечное горе, как бескрайний мрак затопил ее душу и как обступила ее черная беззвездная ночь, ночь без надежды и без конца. И это было страшнее, чем предчувствие Армагеддона.

Теперь ее больше ничто не пугает. Пугает только сознание собственной силы. Пугает только то, что она все предвидела, знала, как все это случится. И что никому об этом не сказала.

Ангел откинула назад голову, подставляя лицо прохладному ветру, шелестящему в ее некогда белокурых кудряшках. Теперь от грязи они отяжелели и распрямились. Она снова прислушивается к тишине. Нет больше белохалатников. Больше некому мучить ее и отдавать ей команды. Вокруг ни единого голоса.

Кажется, она осталась совершенно одна. В полном, абсолютном одиночестве. Почти в одиночестве.

Ангел подумала о стае. Вспомнила, как они парили в воздухе, как ныряли стройным клином к земле. Как Макс рассекала воздух во главе их клина. Вспомнила, как Макс держала ее за руку и называла своей малышкой и крохой. Больше она, Ангел, уже не малышка.

Где еще найдешь семилетнего ребенка, который пережил бы конец света?

Она крепко закрыла глаза. Она ждала тех видений, с которыми годами боролась, к которым привыкала, с которыми наконец свыклась и даже стала их ждать. Но никаких видений будущего к ней не явилось.

Впервые за всю ее короткую, но до отказа переполненную событиями жизнь Ангел понятия не имела, что случится дальше.

Книга первая

ДО

1

«Смотрите сегодня в утренних новостях: разрушенные деревни на Филиппинах. Сотни людей погибли, сотни пропали без вести. Вызванные тайфуном оползни продолжают сметать все на своем пути».

Я сижу на кухонном прилавке, уставившись в маленький экран телевизора. Диктор с телеэкрана смотрит на меня с видимым упреком. Типичное утро понедельника, да и только.

«Внутри страны в нескольких крупных городах растет движение хулиганствующих банд. Полицейские отряды брошены на обуздание беспорядков». Камера выхватывает из толпы фанатика со стеклянными глазами, орущего о развитом обществе и о том, как сохранить чистоту планеты. Он держит плакат с надписью «99 % — это будущее». Я невольно вздрагиваю. Диктор поднимает продуманно нарисованную бровь: «Хотелось бы знать, кто или что такое эти Девяносто Девять Процентов?»

Потом лицо диктора замирает в хорошо отрепетированном выражении беспокойства, а по экрану бегут черные полосы помех. Я разозлилась и саданула по телеку

кулаком. Но он только громко и жалобно загудел. Утро сегодня явно не предвещает ничего путного.

У меня за спиной в кухне начинается обычная кутерьма. Газзи и Тотал, широко открыв рты, ловят поджаристые вафли, которые бросает им Игги. Тоже мне, птенчики нашлись!

— У меня носки к юбке не подходят! — ноет Надж, влоча за собой грудку пестрых тряпок. В нее летит вафля. С реакцией, отточенной годами практики, Надж стремительно разворачивается, на лету ее ловит и с силой посылает обратно Игги прямо в лоб. Вафля разлетается на куски, и крошки застревают в его рыжеватых волосах.

— Не смей! Я одеваюсь!

Газзи выбрасывает кулак в воздух. Его ангельское детское личико расплывается в счастливой улыбке, на которую способен только невинный девятилетний шкода.

— Битва продуктами питания... — Не договорив, он замирает под моим ледяным взглядом.

— Попробуй только! Немедленно прекратите кидаться вафлями! — крикнула я и выхватила у Игги бутылку с сиропом. — И возьмите наконец тарелки, ножи и вилки!

— Что, и я тоже? — возмущенно протестует Тотал. — У меня и пальцев-то нормальных нет. Думаешь, раз я говорить могу, так я человеком стал? Ошибаешься!

Не слишком ли много позволяет себе этот маленький черный скотти?

— Ты, кажется, забыл, что мы тоже не стопроцентные люди, — парирую я, слегка раскрывая крылья.

Да, да, друзья, именно крылья. Если вы только-только присоединились к нам, сразу оказавшись в самой гуще событий, я вам скажу — вы имеете дело с крылатыми.

Тотал закатил глаза:

— И вовсе я ничего не забыл.